

*истории
любви*

*Великолепные
романы о таинствах
любви читайте в книгах*

Светланы Демидовой

*Любовь к человеку-ветру
Прошу руки вашей жены
Медовый привкус измены
Игрушечное сердце
Не верь лучшей подруге!
Ловушка для одиноких сердец
Неправильная женищина
Рубиновая верность
Муж по объявлению
Любовь по договоренности
Женищины любят героев
Шелковая нить
Любовь к роковым мужчинам
Муж на час
Комплекс ловеласа
Отдай мне мужа!
Рейтинг лучших любовников*

*истории
любви*

Светлана Демидова

Рейтинг лучших любовников

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 30

Художественное оформление серии
О. Тумаковой

Автор фотографии на 4-й сторонке обложки —
Виктория Шапран

Оформление обложки *Ю. Щербакова*

Д 30 **Демидова С.**
Рейтинг лучших любовников : роман / Светлана Демидова. — М. : Эксмо, 2013. — 320 с. — (Истории любви. Романы С. Демидовой, А. Луниной).

ISBN 978-5-699-65056-9

Можно ли построить счастье на обломках личной жизни подруги? А почему бы не попытаться, если ее муж — прекрасный любовник? Пока Катя сомневалась, обнародовать эту связь или нет, жизнь коренным образом изменилась. В Питер вернулся Антон — школьная любовь Кати и ее подруги Веры. Вот кто лучший любовник на свете! Забытый роман закрутился с новой силой. И все бы хорошо, но Вера подготовила сюрприз. Пригласив семьи Кати и Антона к себе в гости, она рассказала такое, что спокойная жизнь для каждого из собравшихся закончилась. Навсегда...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-65056-9
© Демидова С., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

«Коротаем мы ночи длинные,
нелюбимые с нелюбимыми...»

Из популярной песни

Я ее ненавижу. Она об этом не знает. Более того, она считает меня своей лучшей подругой. Мне иногда очень хочется рассказать ей, каково на самом деле положение вещей. Кто есть кто. Но еще не время. Я люблю представлять, как говорю ей:

— Я тебя ненавижу.

Она сначала думает, что я шушу, и беспечно улыбается. Тогда я повторяю эту фразу с особым нажимом и по слогам:

— Я те-бя не-на-ви-жу!

Каждый слог должен вонзиться в ее тело, как маленький острый нож. Семь слогов. Семь острых ножей. С зубринами. Чтобы не вытащить.

Она морщится, как от физической боли, а взгляд ее становится беспомощным и растерянным. Как же я мечтаю увидеть в ее глазах смятение или даже испуг! Меня давно тош-

нит от ее всегдашней уверенности в себе! Как бы я наслаждалась ее новым состоянием! Я не спешила бы объясняться дальше. Я смаковала бы паузу, которая непременно должна возникнуть при этом нашем разговоре. Я растягивала бы ее и с жадностью ловила перемены в знакомом с детства лице.

Когда до нее наконец дойдет суть сказанного мной, она усилием воли обязательно уберет с лица всякую растерянность (но мне будет уже все равно: ведь я ее видела!) и обязательно спросит:

— За что?

И тут наступит мой час! Я выскажу ей все! Я придавлю ее этим к земле! Я наступлю ей на горло! Пусть хрипит! Она заслужила это так же, как я заслужила видеть ее поверженной и пресмыкающейся у моих ног. Но... Надо еще подождать!

И я дождусь! Дело того стоит!

Ей всегда везло. Я никак не могла понять, почему. На мой взгляд, она никогда не была особенно умна. Во всяком случае, не умнее меня. В школе она вообще часто кормилась за мой счет. Нагло списывала у меня всю математику вместе с физикой и химией. Ей легко давались языки, как русский, так и английский. И даже немецкий, который шел у нас факультативно: хочешь — ходи, хочешь — нет. Она сначала ходила, потом перестала, но и сейчас довольно легко переводит немецкие тексты.

Она лучше писала сочинения, но не настолько, чтобы я просила ее делать это за меня в качестве бартера за математику. Я писала хуже, но, в общем, тоже вполне прилично. Аттестат у меня был даже лучше, чем у нее, на целых три пятерки: по алгебре, геометрии и тригонометрии. Но в те времена «пять» по литературе ценилась гораздо выше отличных отметок по точным наукам. Предполагалось, что тот, кто хорошо пишет сочинения, человек тонкий и неординарный. Она тоже так считала.

Она даже стихи пописывала. Преотвратные. Глупые, на мой взгляд. И непонятные. С вывертами. Марину Цветаеву из себя корчила. Только куда ей... Никто не оценил, кроме нашей ненормальной русачки Анны Галактионовны. Та постоянно посылала ее вирши на районные олимпиады по литературе. И что? Никакого толку! Даже третьего места не получали! Даже поощрительного диплома не удостоивались! И поделом!

Одевалась она всегда лучше меня. Денег в наших семьях было примерно одинаковое количество, но ее мамаша имела какие-то знакомства в магазине одежды «Наташа», на улице пограничника Горькавого. С помощью этих своих связей она всегда могла достать дочери что-нибудь необыкновенное из шмоток. Она и мне иногда «доставала». Прямо смешно. Обязательно раза в три хуже, чем у дочери. Однажды она достала нам обеим по итальянскому плащу с модной строченой кокеткой, погончиками и оригинальной за-

стежкой. Цена одна. Фасончик один. Но цвет... Ей — небесно-голубой, мне — грязно-бежевый. Мы так и ходили с ней под ручку: лазоревый цветочек и цветок в пыли. Фильм был с таким названием, индийский — «Цветок в пыли»... Совершенно не помню, про что... Про какие-нибудь индийские несчастья в очень большом количестве...

Моя мама, конечно, в долгу не оставалась. Она имела знакомых на комбинате по производству стиральных порошков «Люкс» и всегда в благодарность посылала матери подруги пару дефицитных пачек. И, между прочим, бесплатно, хотя за итальянский плащ мы платили по полной программе и с наценкой за «доставание». Но в советские времена любому ежу было понятно, что иметь знакомства в магазине «Наташа» гораздо выгоднее, чем на комбинате «Люкс». Хоть с ног до головы осыпья стиральным порошком, это ни в какое сравнение не пойдет с итальянским плащом даже и грязно-бежевого цвета.

А еще в юности у нее вкус был лучше, чем у меня. Это стоит признать! Я старалась не отставать от нее, но вечно промахивалась. На выпускной вечер мы с ней сшили платье в одном ателье и вроде бы в одном стиле. И даже у одной портнихи. И что вышло? У нее — аристократический бальный туалет, у меня — наряд расфрантившейся прислуги.

Ко всему вышеперечисленному стоит добавить, что она еще была очень скупа. Особенно раньше. После школьных выпускных экзаменов родители подарил

ли нам путевки на пятнадцать дней в Геленджик, на Черное море. В конце поездки мне едва-едва хватило на еду в дорогу, а она еще целую сотню привезла домой. И не теперешнюю сотню, на которую особенно ничего и не купишь, а на советскую. На те сто рублей можно было оторвать себе супермодные сапоги.

Да и сейчас она, пожалуй, не лучше. Никогда не скажет, что живем, мол, хорошо. Вечно у нее на что-то будто бы не хватает. И это при зарплате-то ее муженька! Кроме того, я не слепая, вижу: то они машину сменили, то у них холодильник новый на кухне появился, то на даче такие светильники поставили, что люди со всего поселка сбегались смотреть. Что за манера вечно прибедняться? Наверняка это для того, чтобы я у нее денег не занимала. Я вообще-то редко занимаю. Сейчас, можно сказать, совсем не занимаю, потому что мой муж тоже очень прилично зарабатывает. Но уж если занимать, так не у чужих же людей! Конечно, у подруги!

Однажды (когда у нас еще было маловато денег) я попросила, чтобы она купила у меня финский электрочайник (одно время я пыталась заниматься торговлей). Так не купила! Ни в какую! У нее, дескать, чайник уже есть: хороший, итальянский (прямо как плащ). А я на нее так рассчитывала! Зачем тогда вообще подруга, если не хочет выручить в трудную минуту?

Но самым ужасным, конечно, были не чайники и плащи. Самым отвратительным было то, что муж-

ские головы всегда поворачивались ей вслед. Мы всегда ходили вместе, но я знала: вслед смотрят именно ей. Это было особенно неприятно, потому что мы одного типа: обе высокие, с хорошими фигурами, с длинными темными волосами и светло-кариими глазами, чуть-чуть разного оттенка. Она делала вид, что не замечает повышенного мужского интереса. Это меня всегда злило. Женщина, даже очень юная, всегда замечает, когда на нее смотрят. И чего прикидываться?! Особенно перед лучшей подругой!

Но все мужчины, глазевшие ей вслед, ничего не стояют по сравнению с одним... Именно его я и не могу ей простить — Антона Зданевича. Мы учились тогда в десятом классе, когда я вдруг неожиданно заметила, как он хорош собой: черные волосы, карие глаза, яркие губы и очень светлая кожа. Он сидел за последней партой среднего ряда. За его спиной была матовая светло-кремовая стена. Вид Антона на фоне стены напоминал мне оттиск старинной гравюры.

Мое место в классе было очень удачным с точки зрения созерцания Антоновой красоты. Я сидела за предпоследней партой на ряду у стены. Поскольку учительский стол находился возле первой парты ряда у окна, я всегда садилась вполоборота будто для того, чтобы виднее было преподавателя. На самом деле при таком расположении корпуса я могла бросать осторожные косые взгляды на Антона. Маскировалась я хорошо. Он моих взглядов не замечал. Зато заметила ОНА, моя подруга. Она взгляделась в выбранный мною

объект попристальной и, возможно, тоже нашла в нем сходство с чем-нибудь таким, что волновало ее не менее, чем меня — коричневатые листы старинных гравюр.

Я предупредила ее, что Зданевич мне нравится. Она пожала плечами и ничего не сказала. А через неделю я застала их целующимися в школьном гардеробе за вешалками нашего класса. Она не знала, что я их видела, и продолжала скрывать от меня свои отношения со Зданевичем. Она до сих пор любит пожимать плечами, когда нечего сказать. И когда она пожимает ими, мне все время кажется, что она задумала в отношении меня какую-нибудь очередную гадость.

Я таяла от любви к Антону и оплывала ревностью, как свеча. Если бы она, моя подруга, посмотрела на меня так же внимательно, как взгляделась в Зданевича, то увидела бы на моем лице глубокие борозды, пропаханные слезами, и страшные бугристые натёки ревности. И ненависти. Она могла бы во всем разобраться уже тогда, но не захотела.

Она выпила Антона до дна. Последние капли она срывала с его губ на выпускном. Что произошло между ними после, не знаю, только они больше не встречались. Моя подруга делала вид, что Зданевича не было не только в ее жизни, но и вообще в нашем классе. Его имя никогда не было произнесено ни в одном из наших «задушевных» разговоров.

Когда я поняла, что Антон ей больше не нужен, решила пойти ва-банк. В один прекрасный летний ве-

чер того же года я явилась к нему домой в лучшем своем платье из синего шифона с белыми змеевидными разводами и прямо сказала:

— Люблю. Давно. Почти всю жизнь. Готова на все.

Антон выпил меня до дна, как она его, и бросил. Все то время, что были вместе, мы никогда не произносили имени моей подруги, но я всегда чувствовала, что он целует и обнимает меня назло ей. Он думал, что я все рассказываю ей и что, возможно, она пожалует о нем. Она же не знала о наших отношениях. Мы с Антоном никуда не ходили, а подглядывать за нами в собственной квартире Зданевичей (как я подглядывала за ними в школьном гардеробе) она не могла. Возможно, на уровне интуиции она что-то подозревала, но помалкивала. Мы с ней изо всех сил делали вид, что Антона Зданевича не было в нашей жизни!

Я не знаю, куда Антон исчез, когда окончательно порвал со мной всякие отношения. С тех пор я никогда его не встречала, но забыть не могу до сих пор. Слишком сильна была первая любовь. Слишком болезненна рана. Слишком сильна ненависть к той, из-за прихоти которой...

Несмотря на эту историю и на множество других, мы «дружим» с ней до сих пор. Жизнь нас почти уравнила. Нам с ней уже по тридцать восемь. Мужчины смотрят вслед нам обеим. Она несколько потускнела, приобрела как бы слабый налет патины, который только подчеркивает благородство ее облика

и интеллигентность. Черты моего круглого лица со временем немного заострились и как бы проявились, будто на фотографии, которую нужное время выдержали в проявителе и фиксаже.

Мы вышли замуж в один год. Наши дети появились на свет с разницей всего в один месяц. Мы с подругой вместе ходили в женскую консультацию, вместе покупали ползунки, погремушки и читали одну на двоих книгу доктора Спока.

Понятно, что ее муж на порядок лучше моего. В смысле социального положения. Сейчас, правда, они почти сравнялись в своем социальном положении. Внешне оба хороши собой. Оба широкоплечие, черно-волосые и черноглазые, но совершенно разные. И эта разница, как назло, в пользу ее муженька. Как я уже говорила, ей всегда везло. Но это не может продолжаться вечно. Ей придется заплатить по счетам. Кое-какие она уже оплатила, но пока даже не догадывается об этом. И это только начало! Клянусь! Я живу этой клятвой! Я живу ненавистью. Я ее пестую и лелею. Она пахнет ванилью и корицей, как булочки, которые продавались в нашем школьном буфете. Большие корицей. Горьковатой и пряной.

* * *

— Послушай, Катя, я тебя прошу, огради мою Машку от своего оболтуса! — прямо с порога проговорила высокая стройная брюнетка с длинными

прямыми волосами в распахнутом белом плаще, не раздеваясь, прошла в комнату подруги и со всего маха плюхнулась на диван.

Он раздраженно крикнул, а приподнявшаяся узкая черная юбка женщины обнажила крепкие красивой формы колени, обтянутые блестящими колготками с красноватыми искорками. Высокая грудь была полуоткрыта глубоким вырезом черного джемпера. На матовой коже серебрилась тонкая витая цепочка с восточным амулетом.

— Вера! Ну ты же знаешь, что Машка очень хорошо влияет на Андрея, — ответила хозяйка квартиры, тоже не менее эффектная брюнетка, зябко кутаясь в толстый махровый халат цвета какао, который очень красиво гармонировал с ее ореховыми глазами.

— Зато Андрей на нее влияет очень плохо! — ответила Вера, и глаза ее стали злыми и несчастными одновременно.

— В каком смысле? — растерянно спросила Катя и закусила нижнюю губу. Она знала, что может ответить подруга, и не хотела этого слышать.

— В прямом. Я ехала в автобусе и видела, как они шли по улице в обнимку и прикладывались по очереди к одной бутылке пива «Охота» — крепкое.

— Ты будешь утверждать, что на полном ходу автобуса увидела, что пиво «Охота» не простое, а именно крепкое? — невесело улыбнулась Катя и села на диван рядом с подругой.

Полы ее халата разъехались, и колени женщины, такие же крепкие, как у подруги, матово зарозовели здоровой кожей.

— Да, я буду это утверждать, потому что мой автобус как раз застрял в пробке, а наши детишки никуда не спешили, шли нога за ногу и после каждого глотка... — Вера поморщилась, — еще и целовались.

— Ничего удивительного. Им по семнадцать лет. — Катя попыталась сказать это как можно мягче, но Вера была настроена по-боевому.

— Знаешь, Катерина, — она повернулась к подруге лицом, перекошенным сильной душевной болью и тревогой за дочь, — я не против того, чтобы моя Машка в семнадцать лет с кем-нибудь иногда целовалась! Но только не с твоим сыночком! И ты прекрасно знаешь, почему!!!

— Вера! Когда Андрей с Машей, я спокойна! Он с ней, а не... со своими дружками...

— Ну знаешь!!! — От возмущения Верины ноздри раздулись и затрепетали. — Всему есть предел! Я не собираюсь ради твоего спокойствия приносить в жертву собственную дочь!

— Ну почему сразу в жертву?! — У Кати на виске набухла голубая жилка и затрепетала не хуже Вериных ноздрей. — Они же нравятся друг другу! У них... любовь...

— Ой! — еще более скривилась Вера. — Вот только этого не надо мне говорить! Твой сын — ма-